

В своей жизни ему довелось быть и комсоргом, и парторгом, и председателем местного комитета, преподавателем и директором театра. И все-таки прежде всего он режиссер и актер. Сыгранные им роли сам считать давно перестал. Другие полагают, что их было около полутора сотен. Несмотря на свою занятость, он очень пунктуальный и обязательный человек. На интервью пришел с точностью до минуты. Поздоровался и протянул руку:

— Олег Табаков.

ЦЕНА ЖИВОГО

Культура. — 1993. — 10 апр. — С. 4.

— Здравствуйте, вы всегда представляетесь при знакомстве! Даже если знаете, что человек ждет именно вас!

— Да. Хотя я очень долго не придавал этому значения. Однажды, в 1965-м, может быть, в 1966 году к нам в театр пришел Александр Исаевич Солженицын, он собирался читать нам свою пьесу «Олень и шалашовка». Стали знакомиться. Наступила очередь Галины Волчек. Та что-то невнятно пробормотала. И вдруг Александр Исаевич очень непосредственно сказал: «Не понял». Она повторила: «Гая Волчек». Он понял. Запомнил. И после этого произнес: «Очень приятно». Тогда этот эпизод произвел на меня немалое впечатление. Я встретил человека, который относился к процедуре знакомства неформально. Еще, может быть, это провинциализм, Я ведь сам из Саратова. Мама так учила.

— Вы смогли бы составить вашу биографию при помощи сыгранных вами ролей!

— В каком-то смысле — да. Давным-давно, играя Олега Савина в «Шумном дне», я рубил отцовской саблей вещи, которые проросли сквозь души моих оппонентов и врагов и говорил: «Мы живы. Способны на протест. Способны совершить поступки». Спустя менее чем десять лет я, Александр Адуев из «Обыкновенной истории» Гончарова, криком кричал, напоминая вчерашним идеалистам, что если

они не научатся защищать свои идеалы, то страшнее конформистов, чем они, не будет. А в Японии я сыграл уже дядюшку Адуева. Хотя часто я играл странные роли, разные. Скажем, была сказка «После дождичка в четверг». Мне в ней досталась роль Кащей Бессмертного, но для меня это был нормальный живой человек. Он был, так сказать, из элиты, руководства моей страны. Знаете, ни черта у нас не получается с биографией из ролей, потому что я часто ходил «не по уставу». Я никогда не играл ни коммунистов, ни шахтеров, ни героев Отечественной войны. Одного, правда, сыграл, Николая Ростова, но это был герой совсем другой Отечественной войны. И все-таки льщу себе надеждой, что в достаточной степени выражал свое время. Даже роли в мультипликации: собаки, которых мы с Юрием Никулиным озвучивали. Помните, одна собака приходит в гости к другой, и они устраиваются спать на хозяйской кровати. Или кот Матроскин, или волк, усыновивший теленка. Это не животные — это человеческие страсти.

— Была ли роль, о которой вы очень долго мечтали и, наконец, сыграли!

— Была такая роль. Я очень мечтал сыграть Хлестакова. Мы с Женей Евстигнеевым, еще учась в Школе-студии МХАТ, вырвали гоголевскую пьесу из хрестоматии по литературе, и она таскалась в моем портфеле, затрепанная до дыр. Когда

срывались репетиции, мы читали эту пьесу вслух и потешались невероятно. А сыграть мне ее удалось не в России — в Чехословакии в 1968 году. Спектакль шел на чешском, а я играл роль на русском.

— И вас понимали!

— Еще как! Успех этой постановки был так шумен, так общезнаменит, что сочинили такое трансконтинентальное турне. Но потом наши танки вошли в Прагу, и турне погорело. Через шесть лет, в 1974 году, меня заставили еще раз играть. Это привело к неприятностям, потому что вторая персона

этой страны Васил Биляк прислал Брежневу телеграмму, в которой изложил, как скоро и как серьезно нужно наказать Олега Табакова, что он общался с выбывшими из рядов КПЧ контрреволюционерами, регулярно, в течение всего гастрольного периода. Так что была такая роль, которую я никогда не играл здесь, в России, и которая принесла мне шумный успех. До сих пор многие люди в Чехословакии помнят об этом. А газетные заголовки в то время были такими: «Олег Табаков вместе с Моцартом может сказать: «Мои пражане меня понимают».

— Что для вас зритель!

— Это моя любовь. Когда самолет взлетает, он выпускает подкрылки, и эта увеличивающаяся площадь крыла позволяет ему вдруг оторваться от земли. Вот такое ощущение мне дает зритель. Все стоящее, что я сделал в этой жизни, я сделал при помощи его, зрителя.

— Чем стало в вашей жизни открытие студии!

— Мне кажется, я перехитрил многих своих коллег и не только коллег, в каком-то смысле судьбу свою перехитрил. Я избавился от инерции успеха. Знаете, впереди моего жизненного состава, хочу я этого или не хочу, все равно идет локомотив моего жизненного успеха. Вы думаете, почему я стал ставить за границей? Не только потому, что я люблю

свободно конвертируемую валюту, как ее никто не любит. А потому, что стою — то стою. К тому же естественное желание продлиться.

— Но если студия называется «Под руководством Табакова», это уже имя...

— Да. Но это уже тогда, когда торговать билетами начинают. А с 1978 года, когда Валера Фокин поставил пьесу Казанцева «С весной я вернусь к тебе», до 1980 года, когда Гришин уничтожил первую студию, да и дальше, до 1986-го, пока не был создан государственный

театр, это была никакая не «Табакова».

Это был просто дипломный курс ГИТИСа. Это был просто подвал, куда ходили местные алкаши оправляться и который был расчищен моими ребятами. Были вложены деньги, которые я закопил от семьи, в эти разы не поехавшей со мной отдыхать...

— Студия была построена на ваши личные деньги!

— А что вы так удивились? Вы как думали, откуда бы я их взял!

— Я думала, может, кто-нибудь спонсировал...

— Что вы, какие спонсоры были в 1978 году? Впрочем, тогда были друзья: покойный Сергей Купреев, Юлий Гольцман, Виктор Коробченко, Николай Гончар, они делали не меньше, чем спонсоры.

— Сегодня у театра есть спонсоры!

— А как же, ни один театр в мире не может себя окупать полностью, окупается от 10 до 20 проц. Скажем, билеты последних наших гастролей в Японию оплатил Инкомбанк. Инкомбанк — генеральный наш спонсор, организация, которая взяла на себя основную массу наших материальных тягот. Инкомбанк финансирует новые наши работы, в частности, спектакль, который я сейчас делаю, — «Безотцовщина» по Чехову. Спектакль, который я репетирую, — «Эти высокие женщи-

ны» Эдварда Олби. Затем спектакль, который мы собираемся делать, режиссер Смирнов, художник Боровский, Джигарханян и я. Это пьеса Жан-Клода Брисвиля «Ужин», она о том, как подлец с негодяем закидывают моральные основы будущего... Другие спонсоры: объединение «Агрохим», наши иркутские друзья — Иркутский биржевой союз и Ликеро-водочное объединение Иркутска.

— Олег Павлович, тот же Савва Морозов был не просто меценатом. Двери его дома были всегда нараспашку. Там собирались деятели культуры, искусства. Вы со своими спонсорами встречаетесь!

— Встречаюсь. И, как ни странно, постепенно мы сближаемся. Во всяком случае я вижу в сегодняшних меценатах не дань моде, а какую-то основательность... И, если Инкомбанк вкладывает полтора миллиарда в восстановление Храма на Кулишках, значит... Короче говоря, купоны стричьто не завтра. Дело даже не в этом, а в том, что люди действительно пытаются порадовать отечественной культуре. И вы, наверное, догадываетесь, что и Савва Тимофеевич, и Рябушинский, и Щукин не сразу стали Щукинскими... Этот процесс взаимный. Как все настоящее в жизни, это дело требует диалога, движения, способности понимать. И пока что я встречаю удивительное понимание. И у такого крупного спонсора, как Инкомбанк, и у спонсора, который, может быть, меньше может дать, но любит не меньше. Это не ты мне — я тебе... Очень важно знать истинную цену того, что ты делаешь. И знаешь ее только ты. Потому что на внешнем рынке это может стоить рубль. Но ты обязан знать, что это стоит пятиалтынный... или десять рублей...

— Какую цену вы назначили бы себе!

— Цену живого, несущего свой крест и верующего.

— Вам чего-нибудь не хватает в этой жизни!

— Многого не хватает... Покоя. Времени для внучки, времени для себя, «возможности остановиться, сор из сердца вытрясть и жить, не засоряясь впредь». Видите, как многого не хватает...

Беседу вела
Наталья СОКОЛОВА.